

ПРАВИТЕЛЬСТВО

Явление Фортинбраса

Президент принял все условия премьер-министра по составу правительства. Виктор Черномырдин доказал свое право считаться фигурой номер два в российской политической иерархии.

Сначала Черномырдин отстоял «свою» структуру правительства. Затем не пожертвовал ни одним «своим» человеком. Напротив, с назначением федеральным министром Владимира Квасова число «абсолютно своих» увеличил. Добился большей однородности правительства: среди 29 членов «малого кабинета министров» едва наберется пятеро даже потенциальных «оппозиционеров» генеральной линии премьер-министра.

Правительство по-прежнему коалиционно. Желание Анатолия Чубайса, Александра Шохина, Сергея Шахрая, Андрея Козырева остаться в окружении людей, которые идейно им чужды, можно, конечно, объяснять различными тактическими причинами. Но, судя по всему, каждый из министров «бурбулосовского призыва» уверен, что сможет найти общий язык с «промысленниками-прагматиками», а трюгильник Черномырдин-Сосковец-Заверюха не станет для них «бермудским». Шохина или Чубайса после двух лет работы «под Ельциным» и года работы «под Черномырдиным» вряд ли можно подозревать в политической наивности. Скорее все они почувствовали, что ситуация изменилась в «Белом доме» постольку, поскольку изменилось настроение правящих элит в целом.

Эпоха «революционного романтизма» закончилась не только для экономических реформ Гайдара. Она оказалась исчерпанной и для самого президента. Сложно сказать, сам ли он пришел к этой мысли или же часть ближайшего окружения подтолкнула его к ней... Как бы то ни было, говоря о переменах в правительстве, нельзя забывать: все они произошли при благословении президента.

Не выйдет уличить премьер-министра и в «шантаже» президента. Кто занимался «шантажом», так это как раз «реформаторское» крыло, что было уже явным признаком слабости. Ответ «реформаторам» оказался предельно жестким: «Президент не приемлет ультиматумов».

Благословив «обновленное» (а вернее, поредевшее) правительство, президент надеялся, что возникнет наконец хотя бы одна структура высшей власти, свободная от внутренних раздоров, способная действовать «решительно и сильно» и в экономике, и в политике. Черномырдин образца 1993 года был премьером-хозяйственником. Теперь он превращается в премьер-политика. Именно он в основном станет определять тактические шаги России в отношении ближнего зарубежья. Задача

ему поставлена четкая: постепенно, шаг за шагом, превратить ближнее зарубежье в «дальние провинции». Похоже, эта задача ему весьма по душе. Заметим: с ней уже не спорят ни Александр Шохин, ни Андрей Козырев.

По крайней мере страны утверждения, что у премьера нет достаточной поддержки среди ведущих политических сил. Как раз наоборот, и именно это, похоже, сегодня особенно ценит президент. Единственный очевидный оппонент — «Выбор России». Но сейчас он слишком расколот, чтобы можно было говорить о его «жесткой оппозиции» курсу правительства. Возможно, Егор Гайдар, который принял решение с головой уйти в создание эффективной политической силы, способен добиться своего. Но, как показал декабрь, «кавалерийского наскока» для этого не достаточно.

Что же касается ближайших трех-четырёх месяцев, то правительство Черномырдина заслуживает надежной поддержки руководителей большинства регионов. Есть опора в Совете Федерации. В Государственной думе группа «Новая региональная политика» со временем преобразуется в мощное проправительственное лобби, по численности конкурирующее с фракциями ЛДПР и «Выбор России». Шахраевская ПРЕС также делает ставку на премьера. Решение Шохина и Шахрая остаться в правительстве не компромиссный, а давно продуманный шаг. Другое дело, что со временем их интересы, возможно, разойдутся так же, как недавно разошлись интересы ПРЕС и «гайдаровцев».

Наконец, Черномырдин пользуется симпатиями у многих чиновников в президентской администрации. Уставшие от реорганизаций и непредсказуемости, они увидели в премьер-министре «стабилизатора». «По конституции в экстремальных случаях преемником президента становится премьер. Пока этим премьером остается Черномырдин, можно быть спокойным», — признается кремлевский чиновник «средней руки».

Черномырдин — чуть ли не единственный политик высшего эшелона власти, кто пользуется возрастающим доверием у «силового структур», особенно служб безопасности и МВД, в чуть меньшей степени — Министерства обороны и Генштаба.

Такая расстановка сил во многом и обусловила то, что чаша весов окончательно склонилась в пользу Черномырдина и его команды. Именно команды. Он не спешил, но последовательно расставлял своих людей на ключевые посты. Его союз с Виктором Герашенко, Александром Заверюхой,

Олегом Сосковцом, Олегом Лобовым прочен оттого, что основан на общих интересах.

... В декабре 1992 года, когда Черномырдин был назван «ездювской фракцией коммунистов», а затем и Ельциным, в качестве кандидата на пост «переходного-премьера», ему хватило нескольких слов, чтобы сформулировать свою программу: «Я свое дело знаю. И если нужно будет сделать, я сделаю... Я обещаю: я все сделаю, чтобы оправдать ваше высокое доверие». Раздался шум в зале, и председательствовавший Хасбулатов заворчал в микрофон: «Уже вам не важно: умный — не умный... Что за люди...»

Но политиком Черномырдин оказался крайне расчётливым и осторожным: вспомним, что пока он не сформировал на Старой площади свою команду, старался действовать по минимуму. Другой вопрос: сможет ли его команда предложить эффективное сочетание экономической и политической концепций на основе своих групповых интересов?

В любом случае поле деятельности для нее расширено. Еще три месяца назад существовали серьезные сомнения в том, какой будет структура высшей исполнительной власти. Предлагалась, в частности, «почти американская модель», когда единственным вершителем реальной политики становилась администрация президента, а за правительство оставались чисто хозяйственные функции. На сегодня же мы имеем «почти французскую» модель, по которой правительство играет ключевую роль. В нынешней российской схеме оно уравновешивает не столько парламент, сколько президента. Премьер вышел на сцену, полную конфликтов и «перестрелок», будто Фортинбрас, и теперь должен положить конец усобицам.

Пока что и президент, и премьер сделали ставку на сотрудничество внутри исполнительной ветви власти.

Однако демарш Гайдара — сигнал к «войне». Борьба за очередной передел власти может начаться не сегодня и не завтра. Но рано или поздно президента призовут на «защиту реформ». Возможно, одновременно вступит в игру простая мысль: а не слишком ли много власти сосредоточивает в своих руках премьер?

Но сам премьер, судя по всему, внимательно изучил не слишком удачный опыт Юрия Петрова и Юрия Скокова и рассчитывает не повторить его.

Владимир ОРЛОВ

